

ПОМЕЩИК ВОРГОЛЬСКИЙ

Из очерков «Старое и новое»

I

...Первый, кого я встретил, достигнув родных палестин, т. е. сошедши на одной станции Орловско-Грязской дороги, был мой родственник, Павел Петрович Воргольский.

Он стоял в дверях вокзала и выделялся из многих высоким ростом, красивой физиономией чисто цыганского типа и своей манерой держаться: с надменным видом откинувшись назад и оглядывая всех быстрым взглядом черных, странных глаз, он как будто чувствовал себя выше всех и шеголял своим франтовским «русским» костюмом. Очевидно, заметив в толпе меня, он радостно улыбнулся, но когда я подошел к нему, сделал удивленное лицо.

— Павел Петрович! — воскликнул я, — вот славно! Прямо на братца попадаю!

— Извините, я, кажется, нэ имею чести... — возразил он, модно выговаривая вместо «е» — «э».

— Что такое? Не узнаешь?

— Право... не припомню...

— Неужели я в полгода превратился в другого человека?

Павел Петрович даже брови вздернул и сплеснул руками.

— Да это ты?

— Нет, брат, не я... — невольно вырвалась у меня глупая острота.

— Ну, извини, тебя совершенно не узнаешь!

— А вот тебя так сразу узнаешь. Все такой же.

— Да уверяю тебя, ты серьезно изменился, — настаивал Павел Петрович, насколько не смущаясь, но уже начиная выговаривать буквы, как следует.

Я поднял свой чемоданчик.

— Пойдем в вокзал, а то извозчики разъедутся.

— Да на что тебе эта сволочь?

— Ехать, разумеется.

Павел Петрович покачал головою.

— Ты меня положительно обижаешь, — тоном любезного упрека возразил он, — ведь я-то здесь не пешком!.. Я, видишь ли, приехал было за контролером, — он ко мне на винокуренный завод, — да черт с ним! Его что-то не видать... видимо, приедет с вечерним... Мой экипаж к твоим услугам!

— А я к твоим услугам.

Обмениваясь такими любезностями, мы вошли в вокзал. Павел Петрович опередил меня и на весь вокзал крикнул:

— Казак!

Из дверей тотчас выскочил молодой широкоплечий кучер, с плутовской смуглой физиономией, и подбежал к нам.

— Вещи в шарабан!

«Казак» схватил мой чемодан и выжидательно остановился.

— Тесно будет, Павел Петрович...

— Молчать! А то на голове повезешь... Марш!

«Казак» подло хихикнул и скрылся.

— Давай выпьем, — обратился ко мне Павел Петрович и, не дожидаясь моего согласия, повелительно (он все хотел делать повелительно) кивнул бабе, стоявшей за буфетом. Баба через несколько минут притащила нам графинчик водки и два бутерброда с сыром. Не успел я выпить одной рюмки, как Павел Петрович уже налил мне вторую.

— Нет, не пью больше. Не наливай, пожалуйста.

— Ну, знаем мы вашего брата...

— Право, не стану.

— Пустяки! В конце концов, все равно выпьешь... только мерзлым бараном прикидываешься.

— Никаким бараном я не прикидываюсь,— сказал я решительно,— и пить не стану.

— Станешь!

Я расхохотался.

— Это же глупо, наконец, Павел Петрович!

Павел Петрович глянул исподлобья и вздернул плечами.

— В таком случае не хочешь ли вин? Я мадеры спрошу... или английской горькой?— сказал он с фатоватой любезностью.

— Спасибо! Поедем.

— Ну, черт с тобой!— пробормотал он и подряд выпил две рюмки.

II

Через четверть часа мы уже ехали по дороге к имению Павла Петровича. Павел Петрович правил сам; «казак» сидел у нас в ногах и на коленях держал чемодан.

Я невольно отдался тому славному впечатлению, которое всегда охватывает, когда после города попадаешь в поля, и почти не слушал Павла Петровича, рассказывающего что-то невероятное про свою лошадь.

День — солнечный, но холодный, настоящий осенний — далеко открывал поля и пышные зеленыя; полуголые, легкие леса казались особенно веселыми и красивыми, рдея на солнце последними золотистыми уборами. Шарабан быстро катился по упругим колеям дороги, которые блестели тусклым блеском, словно рельсы; свежий воздух плыл навстречу и как-то особенно приятно бодрил и оживлял.

Я загляделся и залюбовался...

Вдруг сильный толчок заставил меня привскочить и схватиться за край шарабана: Павел Петрович поднялся во весь рост и со всего размаха вытянул арапником по спине мужика, спавшего в телеге, которую мы объезжали. Наша лошадь рванулась, бросилась в сторону, и шарабан вприпрыжку понесся по канавам около дороги.

— Это за что?— крикнул я, хватая Павла Петровича за руку.

— За то-то!

— Как «за то-то»? С ума спятил?

— А он чего растянулся?

— Да тебе-то какое дело?

— Знаешь, какое!

Павел Петрович глянул на меня веселыми, дикими глазами, тряхнул головою и, чувствуя себя вполне «удальцом», бешено дернул вожжи. Лошадь задрала морду и понеслась еще быстрее.

Мужик остался далеко сзади с своими криками и бранью. «Казак» подпрыгивал с чемоданом. Я еле удерживался за край шарабана. А впереди была гора и под горою овраг с самым коварным мостиком. Положение оказалось критическим.

— Гэй! гэ-эй!— все азартнее выкрикивал Павел Петрович, потрясая арапником.

«Ради бога потише!»— чуть не сорвалось у меня с языка... но я во-время вспомнил, что в таком случае Павел Петрович погнал бы лошадь еще бешенее, и рискнул на противоположную тактику.

— Ух, здорово!— крикнул я с деланной храбростью,— вот это я понимаю, вот это — лошадка!

— А что? Я говорил тебе.

— Прелесть!— повторил я,— замечательно идет!.. Только, кажется, наезжена плохо... не вымуштрована... Ведь, например, не можешь сразу пустить «ходой»?

— Как не могу? Ерунда!

Павел Петрович вскочил и сразу осадил лошадь на полгоре. Лошадь даже захрипела и, покачиваясь и упираясь, пошла дробным шагом.

— Каково?— мигнул Павел Петрович.

— Лихо!— сказал я и чуть не расхохотался.

От сердца у меня, признаться, отлегло. К тому же «опасность миновала», — мы поднимались в гору. Оглянувшись с нее, я увидел вдалеке мужика, над которым показал свою удачу Павел Петрович. Мужик ехал шагом и, сидя на грядке телеги, сосредоточенно глядел на нас.

— Вот он, голубчик! — заметил Павел Петрович и с веселым хохотом погрозил ему арапником.

— Из-за чего это он, — подумалось мне, — постоянно выкидывает такие штуки? Ведь далеко он не такой «разбойник», каким хочет себя показать!

С горы, между тем, показалась усадьба Павла Петровича. Он ударил по лошади, и минут через десять мы были уже на дворе.

III

— Обедать! — крикнул Павел Петрович на весь дом, входя в переднюю.

Горничная, сидевшая в ней, вскочила, усмехнулась и скрылась в комнатах.

— У меня строго! — заметил Павел Петрович и подмигнул ей вслед.

Обед, действительно, был подан скоро.

Мы сели за него вдвоем, потому что жены Павла Петровича дома не оказалось. Проголодавшись дорогой, я ел за двух и молчал. Павел Петрович только пил и первый начал разговор:

— Ты где обыкновенно обедал в Харькове? Небось, все по кухмистерским?

— Нет, дома.

Павел Петрович улыбнулся.

— Дома? Наверяд... Извини, если не поверю.

— Что же тут невероятного?

Павел Петрович махнул рукой.

— Да уж ваша братия известно как живет!

— То есть чья это «братия»?

— Да студенты и всякие такие... Все по кухмистерским. Конину жрут.

— Во-первых — я не студент, а во-вторых, и студенты не все одинаково живут...

— Что такое? — насмешливо-медленно перебил Павел Петрович и потом сразу сдвинул брови и заговорил строго и убедительно. — Да кому же ты рассказываешь? Я, брат, вдесятеро лучше тебя знаю эту компанию... Расскажи кому-нибудь другому.

Я удивленно поглядел на него, потому что знал, что он даже в университетских городах никогда не бывал.

— Да где же ты ее мог узнать? — спросил я. — Ведь ты...

— Ну, что «я»? Как это «где»? Я, брат, когда жил в Москве...

Я не утерпел и в свою очередь перебил его:

— Да ты в Москве был еще трехлетним! Ты не видал ее...

Снова удивленный и строгий взгляд со стороны Павла Петровича.

— То есть как это не видал? Если ты не видал, это не значит, что я не видал.

— Конечно, из-за этого-то не значит. Но суть в том...

— Да я Москву, как пять пальцев, знаю.

— Ну, опиши мне... Ну, хоть Кремль.

— Да я у тебя не на экзамене!

— Конечно, не на экзамене, но все-таки, опиши, пожалуйста. Что ты там видел, например?

Павел Петрович вздохнул и покачал головою.

— Как это «что видел»? — спросил он с презрительным сожалением. — Что все видят, то и я видел.

— Ну, что же все видят?

Павел Петрович начал злиться.

— «Сто видят»!.. «Сто видят»!

— Нет, ты дразниться-то погоди.

— Да ну, понятно что! Дома, церкви, бульвары, магазины... Ты, братец, ей-богу ошалел!..

ЕЛЕЦ. ВИД ОТ РЕКИ СОСНЫ

Открытка, конец 1890-х — начало 1900-х годов

Собрание С. В. Красновой, Елец

— Стой! Стой! — завопил я. — Как «бульвары, магазины»? Да в Кремле, кроме дворцов, церквей и присутственных мест ничего нету — ни бульваров, ни магазинов!

Павел Петрович, презрительно скосив губы, пожал плечами и спокойно, тоном, каким говорят с детьми, возразил:

— Да не обыкновенные же магазины, деточка! Ведь можно было догадаться, что я говорю про лавчонки, где продают... Ну, крестики разные, картинки... А ты, голубчик, воображаешь, что там магазины с зеркальными стеклами?

Я опять перебил:

— погоди... а бульвары-то где ты видел?

— Я про бульвары и не думал говорить.

— Как не думал? Ты сказал: «дома, церкви, бульвары»...

Павел Петрович откинулся на спинку дивана и развел руками:

— Это, наконец, черт знает что! Ты в глаза лжешь, — воскликнул он. — Уверяет меня про какие-то бульвары...

— Да как же не уверять? Как тебе не стыдно?..

— Ты, брат, беспамятен стал, как старая...

Окончание фразы было такое, которое передать нет никакой возможности. Я махнул рукой и смолк.

Помолчали...

Павел Петрович катал из хлеба шарики и насмешливо «играл» глазами. Я бесцельно глядел в окно на золотистый свет кроткого осеннего солнца.

Наконец, Павел Петрович выпил рюмку водки, понюхал, вместо закуски, кусок хлеба и, раскуривая папиросу, заговорил опять:

— А что действительно студенты кониной пробавляются, — я докажу тебе. Если ты ничего не читаешь, так я тебе помогу, дам «Отечественные записки», там даже рассказ про это напечатан. Здорово этих «ученых» прохватывают.

— То есть как «прохватывают»?

— Очень просто.

— Да за что прохватывать-то? Ведь нельзя же обидеть умного человека, если даже самым ехидным тоном сказать: «ты конину ел»... Я, право, все-таки, не думал, что ты о людях по кошельку судишь.

— А почему же и не судить! Не лезь в волки, когда хвост собачий.

— Хвост-то тут при чем?

Павел Петрович махнул рукой.

— Молчи, молчи, брат! Не связывайся! Ты, я вижу, еще многого не дотяпываешь.

— Как это «не дотяпываешь»?

— А то как же... Молодо-зелено... Я, брат, и не таких-то молодцов «остригал».

Павел Петрович поднялся.

— А самое лучшее, — докончил он, — оставить эту материя. И весело и хитро играя глазами, выпил еще рюмку и ушел спать.

IV

Я тоже пошел в кабинет и прилег на кушетке. Но заснуть не удалось, а лежать скоро надоело. Я пошел побродить по усадьбе.

Усадьба была небольшая, по имению — у Павла Петровича около 200 десятин, — но красивая. Сад был большой, старый, окружен соломенным валом — последний признак прежних помещичьих усадеб... Больше всего в нем было лип; плодовых корней можно было насчитать штук сто, хотя Павел Петрович и рассказывал, что он получает аренды с сада тысячу рублей.

Я побродил по дорожкам, посидел в липах и спустился под гору, к заводу. Завод уже шел. Насиду отворив тяжелую заводскую дверь, я очутился в самом помещении. Там меня сразу охватил теплый, влажный воздух, пропитанный спиртными парами. Шел неясный разговор; где-то раздавался смутный крик нескольких голосов, и все это покрывал смешанный шум, лязг и однообразный стук мелькающих колес, от которых дрожал тонкий дощатый пол. Винокур, старик-еврей, с серыми кудрявыми волосами, бегал, разваливаясь, как тяжелый гусь, и кричал на рабочих...

Вся эта суетня, толкотня и стук машин производили славное впечатление. Дело на заводе было, видимо, поставлено недурно; это меня даже удивило: я знал, что Павел Петрович — хозяин плохой и с самой юности слыл «лантрыгой». В гимназии он страшно шалил, ленился и вышел из третьего класса. Дома он повел совсем бездельную жизнь: больше всего он пропадал на охоте, ежеминутно скандалил и пил иногда по несколько дней без просыпу. Когда отец умер, он было принялся хозяйничать, выписал даже какой-то сельско-хозяйственный журнал, но вскоре бросил свое увлечение. Сельско-хозяйственный журнал он даже не читал и говорил, что «все эти кабинетные, ученые хозяева на самом деле ни черта не стоят».

Воротившись в дом, я присел в гостиной. Обстановка в ней была обычная: стены в обоях, небольшой диван и около него несколько кресел в белых чехлах. На круглом столе бронзовая лампа; на одной стене — премия от «Нивы», на другой — от «Нови» — «Между песнею и пляской».

Пока я разглядывал истомленную красавицу, послышался стук подъезжающего экипажа. Я выглянул в окно и увидел, что перед крыльцом остановилась высокая ямщицкая тележка.

— К этому, Сергей Сергеич? — услышал я вопрос старика-извозчика, обращенный к седоку, господину в модном драповом пальто и форменной фуражке.

— Здесь! Здесь! — торопливо ответил тот. — Неси мои вещи в дом.

— Какие-с? — флегматично спросил старик.

— Идиот! — резко крикнул Сергей Сергеич. — Разумеется, вот эти, под сидением.

И он быстро и грациозно забежал на крыльцо.

Скоро в зале послышался громкий говор: Павел Петрович встал и разговаривал с приехавшим. Немного погодя раздался шаг, и в комнату, смежную с моею, кто-то вошел. Я приподнялся и заглянул в щель неплотно притворенных дверей.

Посреди комнаты, наклонившись над чемоданом, стоял Сергей Сергеич.

Он был небольшого роста и тщедушен. На нем была серая визиточка и черные брюки, из-под которых выглядывали изящные штиблетки. Когда он поднялся, я увидел его лицо. Оно было немолодое, но красивое. Черные глаза сверкали строгим блеском из глубоких впадин. Щеки тщательно выбриты, и черная бородка красиво подстрижена. Волосы, тоже черные, короткие, мягко лежали назад. Общее выражение лица — как будто немного удивленное и серьезное, словно господин контролер всегда был чем-нибудь задет и строго говорил: «Милостивый государь! Ведь я не позволю-с!».

Он порылся в жилетном кармане и отомкнул чемодан. Затем стал вынимать различные предметы.

Прежде всего он вынул сюртучную пару и несколько крахмальных рубашек. Пару он повесил на стене, а рубашки, завернув во что-то белое, положил на этажерку. Этажерка была со сломанною ножкою, и Сергей Сергеич, качнув ее, криво усмехнулся.

— Однако, удобства! — пробормотал он недовольно.

Потом опять подошел к чемодану и вынул оттуда штиблеты и новые сиреневые брюки. На последние Сергей Сергеич взглянул ласково; бережно развернувши, он взял их в левую руку, отставил от себя, так что они красиво повисли в воздухе, поглядел несколько минут, откинув голову набок, и затем так же бережно свернул их.

Далее следовала мелочь.

Сергей Сергеич поставил на стол два флакона с одеколоном, зубную щеточку, табак в красной коробке; положил револьвер, суворинское издание Пушкина, «Царь-Девичу» Вс. Соловьева, «Мысли о женщинах, старые и новые» и штук пять желтых книжечек «Отечественных записок», вынул из сака хлыстик с бронзовым набалдашником и, свистнув им два раза в воздухе, снова спрятал. Потом, задвинув ногой сак под кровать, разложил на ней подушку и байковое одеяло... Все это он сделал скоро и, запустив пальцы в жилетный карман, слегка потянулся.

Я отодвинулся от двери, закурил и лег на диван. Когда же я снова заглянул в щель, контролер стоял и утирался полотенцем, а садовник, который исполнял у Павла Петровича осенью и зимою роль лакея, мужик в фартуке, с суровым лицом и рыжими, подстриженными усами, протирал пол... Окончив это, он взял рукомоийник и хотел уйти. Контролер опустил полотенце и намеревался что-то спросить, но взглянув на грубую физиономию садовника, по-видимому, счел за лучшее промолчать.

— Наверно, дерзкая скотина, — пробормотал он, когда садовник скрылся.

— Самовар готов-с, — сказал тот, через несколько минут отворяя дверь.

— Сейчас, голубчик, сейчас! — торопливо и не выговаривая буквы «л», ответил контролер.

Садовник бесстрастно повернулся и вышел. Это опять не понравилось контролеру.

— Ну, да у меня будешь вежливый! — сказал он вполголоса с хвастливой храбростью и стал перед зеркалом зачесывать волосы.

Сперва он быстро и недовольно дернул гребешком; потом взбил волосы рукой, отступил немного от зеркала, наклонил голову набок и несколько минут искоса глядел на свое отражение. Потом стал зачесывать медленно и осторожно; волосы лоснились и красиво ложились назад... Сергей Сергеич несколько раз провел по ним своей бледной и худой «нервной» рукой с розовыми ногтями и опять стал глядеть в зеркало. Налюбовавшись, он слегка покрыл лицо пудрой, расчесал усики, переменял серую визиточку на сюртук, сделал строгое лицо и, одергивая жилет, прошелся по комнате. В черной паре его фигура казалась еще стройнее и тщедушнее...

Я лег на диван и закрыл глаза.

V

В сумерки горничная разбудила меня приглашением «чай кушать». Я вышел в залу.

За столом сидели: около стены Павел Петрович, сбоку — гость. Павел Петрович был в шелковой красной рубашке, новых черных шароварах и замечательно вычищенных сапогах. Видимо, он хотел показать себя богатым помещиком: богатые помещики, по его мнению, должны носить именно такой костюм. Кроме этого, было еще заметно, что сегодня он чувствовал себя особенно «удальным» и красивым. Гость слушал его оживленный говор молча, с вежливой улыбкой, и помешивал ложечкой в стакане.

— Позвольте, Сергей Сергеич, познакомиться,— начал, как только я вошел, Павел Петрович галантно.

Я пробормотал, как обыкновенно бормочут при первом знакомстве, свою фамилию.

— Сергей Сергеич Павловский,— ясно и вразумительно ответил мне контролер, выпуская букву «л».

Потом сейчас же сел и сделал вид, что его чрезвычайно интересует рассказ Павла Петровича.

Но Павел Петрович сказал торопливо «ardon» и крикнул горничную:

— Принесите рому или коньяку... хоть бутылку, да чаю Ивану Алексеичу.

— Да там... нету-с,— ответила горничная.

Павел Петрович сделал строгий и удивленный вид.

— То есть, как это нету-с? Давно ли я привез из города ящик?

— Когда-с?— наивно спросила горничная.

— Слушайте, что вам приказывают и не смейте рассуждать,— сердито перебил Павел Петрович, нисколько не смущаясь.

Горничная, должно быть, уже привыкшая к подобным штукам, молча скрылась. Когда же она принесла мне чаю, Павел Петрович уже не стал спрашивать про вино.

— И представьте себе, Сергей Сергеич,— говорил он, продолжая прерванный рассказ,— мне эта история вовсе не шутками обошлась: чистого убытку оказалось ни много, ни мало... (позвольте,— заморгал он глазами, будто бы припоминая — 800, 1000, 1025) да... верно: 1025 рубликов с копейками.

— Однако!— сочувственно сказал Сергей Сергеич.

— Да вы, может быть, не верите? Я вам покажу конторские книги.

Сергей Сергеич быстро взглянул исподлобья.

— Помилуйте!— воскликнул он.— Почему же я смею не верить?— И изящно хлебнул из стакана.

— Про что это?— спросил я Павла Петровича.

— А знаешь про ту историю с волками,— ответил он совершенно спокойно.

— Про какую историю с волками?

— Разве не помнишь, волки пшеницу-то у меня летом испортили,— 25 десятин логовом поделали.

— Когда же это?

— Ах, боже мой! Да ты же ездил со мной осматривать поля.

— Я не жил лето в деревне.

— Ну, так, значит, не ты,— протянул Павел Петрович,— так, так... не ты, действительно. Это мой шурин.

Сергей Сергеич, видимо, понял, что разговор принимает плохой оборот, и поспешил сейчас же переменить его.

— Вы что же, в университете в Харькове? Ну, что там новенького? Вы ведь недавно оттуда?

— Да, недавно. Нового, кажется, ничего нет.

— Я, видите ли,— пояснил Сергей Сергеич,— почему так интересуюсь Харьковом, что это, можно сказать, мой родной город; я там прожил около 5 лет. Славный город!

— Городишко, правда, недурной,— заметил Павел Петрович.

Сергей Сергеич криво улыбнулся.

— Даже не город, а городище целый,— сказал он и обратился ко мне.

— Я думаю, он и теперь с каждым днем прогрессирует; кажется, там несколько месяцев тому реализовалась благая мысль: открылась бесплатная читальня.

— Да, да,— подхватил Павел Петрович,— открылась.

— Она уже несколько лет существует,— заметил я.

— О, нет,— возразил контролер,— насколько я знаю, это учреждение для Харькова еще очень молодое.

— Кажется, четвертый год уже,— повторил я.

— Четвертый, четвертый,— подтвердил Павел Петрович.

— Удивительно! Как же это я смехал?— вздрогнул Сергей Сергеич плечами.—

Ну да, в сущности, это не важно. Я хотел сказать...

— Конечно, ерунда,— весело перебил Павел Петрович.

Сергей Сергеич опять криво улыбнулся, кинул на него взгляд, но сейчас же поспешил придать своему желчному лицу спокойное выражение.

Наступило неловкое молчание. Я встал и пошел за папиросами.

— Куда ты?— спросил Павел Петрович.

— За папиросами. Я сейчас.

— Катерина, папирс! — закричал Павел Петрович, но сейчас же спохватился и прибавил: черт возьми, кричать приходится,— выписал себе электрических звонков и до сих пор не получаю.

— Какой же системы? — спросил Сергей Сергеич.

Брови Павла Петровича дрогнули, но он постарался сказать весело:

— Самой простой, но новейшей.

VI

— Вы, кажется, ярый последователь теории Толстого? — все хотите делать сами,— пошутил Сергей Сергеич, когда я вернулся.

— Страстный! — ответил я в том же тоне.

Тогда Сергей Сергеич сделал серьезное лицо и сказал:

— А пророс, читали вы новую книжку Скабичевского: — «Толстой как художник и моралист?».

— То есть барона Дистерло? — еспросил я.

— Да, да, Дистерло,— поспешно подтвердил Сергей Сергеич и, показав таким образом, что он перемешал фамилии из-за «глупейшей» рассеянности, авторитетно начал делать критические замечания на «книжечку».

Потом перешел к самому Толстому, сказал несколько интересных фраз насчет его «теорий», прибавляя к ним, как к собственным мнениям: «мне кажется», «я думаю» — и наконец, доставая портсигар, быстро закурил папиросу, изящно помотал спичкой. элегантно бросил ее, откинулся к спинке стула и заключил:

— Мне, по правде сказать, жаль его: запутался старик!

Павел Петрович, дотоле молчавший, вдруг сказал:

— А по-моему, даже не запутался, а просто спятил с ума! Иначе, как же допустить, что богатый человек, бывший столько лет министром, ни с того ни с сего стал плести лапти?

— То есть, как это «министром»? — раздраженно небрежным тоном спросил Сергей Сергеич.

— То есть так,— разве не поняли? — отвечал Павел Петрович, и глаза у него загорелись.

— Он не был министром,— продолжал Сергей Сергеич.

— Нет, был,— дерзко и грубо возразил Павел Петрович.

— Pardon, насколько я знаю...

— Мало знаете...

Сергей Сергеич поглядел, вздернул плечами, но, увидав у Павла Петровича совсем бешеные глаза, поспешил кое-как перевести разговор на другое. Но Павел Петрович еще очень долго щурил левый глаз и с злобной улыбкой поглядывал на Сергея Сергеича. Тот старался не замечать этого. Он пустился опять высипать свои знания по части модных толков: говорил очень много о женском вопросе, затем перешел к журналам, сказал с неприятной гримасой о их теперешней бессодержательности и, вспомнив о старых журналах, воскликнул с чувством:

— Да! Жаль, жаль «Отечественных записок»!

Разговор наш был прерван приездом жены Павла Петровича, очень похожей на бубновую даму. Когда она, переодевшись, вышла к чаю, Сергей Сергеич совсем оживился. Он встал и, расхаживая и покуривая, заговорил о деревенской скуке, в которую он, впрочем, «не попадет, если Павел Петрович позволит ему проводить свои вечера в его семействе», рассказал, с какими приключениями он будто бы добрался со станции, опять свел разговор на женщин, но уже в более легком, остроумном тоне и т. д., и т. д.

Павел Петрович более всего хлопотал о закуске и выпивке и, подвыпивши, стал петь, принимая мужественные, удалые позы и стараясь своим громадным, необработанным баритоном заставить звенеть стекла. Сергей Сергеич подпевал тоже баритоном, только сдержанным, грациозно облокотившись на спинку стула и играя часовой цепочкой.

Я распрощался и ушел спать.

Часа в три ночи я услышал, что меня будят.

— Слушай! Встань-ка! — бормотал кто-то, дергая меня за плечо. Я чиркнул спичкой и увидел Павла Петровича.

— Хочешь выпить? — спрашивал он торопливо.

Я только мог расхохотаться. Павел Петрович пробормотал: «Ну, черт с тобой!» — и, закурив папиросу, лег около меня. Помолчав, он, наконец, выговорил угрюмо:

— Однако я эту дохлую личность за хвост да на солнце! Ей-богу! Опомнись даже не успеет.

— Кого? — спросил я.

— Контролеришку...

Я хотел было расспросить, в чем дело, но сон одолел любопытство.

VII

Проснулся я рано и, намереваясь уехать поскорее домой, на свой хутор, сейчас же начал одеваться.

Отворив окно, я невольно прикрыл глаза от яркого света. Солнце стояло еще низко, но блестело ослепительно. В аллеях насквозь сверкали полуобнаженные золотые липы. Утро было светлое, но холодное; на балконе, на перилах и в саду, на песчаных дорожках и опавших черных листьях еще лежала белая, как снег, роса; над прудом, под садом, расстилался густой, матовый туман...

Вдруг около меня, как гром, грянул выстрел. Я, как обожженный, отскочил от окна и заорал во все горло:

— Да кто же это?

В ответ на это около окна раздался громкий хохот.

Я выглянул из окна и рядом, в другом окне, увидел Павла Петровича. Он сидел на подоконнике и на коленях держал дымящееся ружье.

— Что, брат, здорово струсил? — закричал он и прибавил потише. — Это я пробуждаю господина питейного чиновника.

— Черт знает, что ты делаешь, — пробормотал я недовольно. — Ни свет ни заря — палит из окон!

После чая я стал просить Павла Петровича дать мне лошадь.

— Ты ехать хочешь? — спросил он.

— Да, нужно.

— Ну, что же? — я тебя не держу.

— Так лошадь-то дашь?

— Лошадь? Лошадей, брат, я не держу.

Я стал упрашивать:

— Полно шутить, Павел Петрович!

— Да, ей-богу же, у меня нету.

— Ну, так я найму,— заявил я наконец.

Павел Петрович пожал плечами.

— Изволь, нанимай! Но как только твой извозчик на двор, я велю принять его в кнуты.

Я давно знал такую манеру гостеприимства Павла Петровича: он ее заимствовал у прежних помещиков, думая, что помещик должен быть гостеприимным именно в таком роде. Пришлось самому сходить в конюшню, попросить кучера оседлать лошадь и тайком уехать.

Однако слова Павла Петровича насчет «дохлой личности» меня заинтересовали. Я был убежден, что дело добром не кончится.

VIII

Не больше как через неделю после этого мне пришлось натолкнуться на замечательную сцену.

Я поехал к Павлу Петровичу. Предупрежденный заранее, что он будет охотиться, я нарочно поехал теми полями, на которых думал встретить охоту. Подъезжая к его лесу, я еще издали услышал «однопометников лай музыкальный». Но лай был слишком музыкален, чтобы предположить, что идет горячая гонка. Охотники, по-видимому, где-нибудь на привале пьянствовали, а собаки шалили или гнали по старым следам.

«Наверно, они в лугу»,— подумал я, въезжая на опушку леса шагом. День стоял теплый, ласковый. Лес, упоенный ароматом листопада, тихо задремывал...

Я ехал шагом и как в забытьи слушал далекую музыку лая...

Вдруг за кустами послышался лошадиный топот, ускоренный, отрывистый. Он отдавался все ближе и ближе и все усиливался.

— Агу-ту-ту... его!! — задыхающимся голосом гаркнул кто-то на весь лес. И вдруг с бешеною быстротою из-за кустов выскочил на сереньком «киргизе», нечаянно поливая его нагайкой, Сергей Сергееч и за ним «казак» и Павел Петрович. Потрясая арапниками, они скакали что есть духу. На повороте, около меня, Павел Петрович сразу пригнулся к седлу, вытянулся и, наскочив на контролера, неловко, но, видимо, изо всей силы треснул его арапником. Контролер вскрикнул и неловко шарахнулся в кусты.

— Держи!.. Васька! держи!.. — едва мог крикнуть Павел Петрович.

Но контролер уже успел счастливо выпутаться из кустов и поскакал вниз.

Только тут я опомнился и бросился к Павлу Петровичу.

— Что это такое? Скажи ради бога!..

Павел Петрович остановился и тяжело перевел дух.

— Что, брат, здорово? — спросил он, сопя и что-то проглатывая. Глаза у него расширились, ноздри дрожали.

— Я ничего не понимаю,— крикнул я.— Ты с ума сошел!

— Да, сошел! — сказал Павел Петрович.— Хочешь я твоему жеребчику ухо из револьвера отстрелю. Честное слово, отстрелю!

Дико и весело играя глазами, Павел Петрович выхватил револьвер и прицелился. Я схватил его за руки:

— Однако, брат, шуткам есть границы.

— Ну, ну, я шучу,— сказал Павел Петрович.

— Ты лучше скажи, что это было здесь?

— А то что же!.. Он, видите ли, образованный господин... Подлавливает меня на каждом шагу... К жене лезет: «поедьте в соседнюю деревушку молоко пить!» Хорошо я его угостил? Теперь, небось, шабаш по деревушкам ездить!

— Да зачем он в лес-то попал?

— А мы его на охоту пригласили... Да жаль, Капитон и Митька опоздали... Мы бы его еще и не так угостили!..

«Да, не перевелись еще витязи на святой Руси», — думал я, выезжая из леса на дорогу к своему хутору...

<1892>

«Орловский вестник», 1892, № 143—146, 3—6 июня. Подпись: И. А. Бунин.

Воспроизведено (с неточностями): «Радуга», 1968, № 4.

По замыслу и стилю «Помещик Воргольский» примыкает к очерку «„Шаман“ и Мотька». Возможно, что первоначально он был задуман как одно из звеньев неосуществленного цикла «Обломки дворянства» (см. настоящ. кн., стр. 154). Задуманный Буниным новый цикл очерков «Старое и новое» также не был продолжен. Реминисценции из «Мертвых душ», отчетливо проступающие в этом очерке, свидетельствуют о том, что в молодости Бунина привлекала не только романтическая линия гоголевского творчества, как можно было бы судить по «Жизни Арсеньева» (см. Собр. соч. 1965—1967, т. 6, стр. 38; т. 9, стр. 259), но и сатира Гоголя.